

Иван Леонтьевич Щеглов

**Первое сражение. Неудачный
герой. Поручик Пospelов.
Жареный гвоздь. Идиллия**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Щ33

Щ33 **Щеглов И.**
Первое сражение. Неудачный герой. Поручик Пospelов. Жареный гвоздь.
Идиллия / Иван Леонтьевич Щеглов – М.: Книга по Требованию, 2025. –
300 с.

ISBN 978-5-521-38820-2

ISBN 978-5-521-38820-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕРВОЕ СРАЖЕНІЕ

I.

Прапорщикъ Алёшинъ являлъ собою зрѣлище, по-истинѣ достойное сожалѣнія. Представьте себѣ молоденькаго, только что испеченнаго офицера, скорчившагося на маленькой чернобурой лошаdkѣ и до того измоченнаго дождемъ и забрызганнаго грязью, что съ перваго раза даже трудно было разобрать: возсѣдаетъ-ли это дѣйствительно воинъ или просто къ сѣdlу присталъ небольшой комокъ грязи. Чернобурый иноходецъ фыркалъ, поводилъ ушами и вздрагивалъ; всадникъ по временамъ тоже вздрагивалъ, и все лицо его, посинѣвшее отъ холода, выражало тупое отчаяніе человѣка, очутившагося въ совершенно безвыходномъ положеніи. Съ прапорщикомъ Алёшинымъ случилась непріятная исторія. Въ Александрополѣ, за недостаткомъ казаконъ, ему отказали въ конвоѣ (прапорщикъ Але-

шинъ летѣлъ изъ Петербурга на всѣхъ парахъ въ дѣйствующую кавказскую армію), и онъ долженъ былъ самъ пробираться къ своей бригадѣ, расположенной, какъ ему пояснили бывалые люди, „на полудорогѣ до Карса“. Указаніе бывалыхъ людей, однако, мало помогло дѣлу: на дорогѣ Алешинъ заблудился, попалъ вдобавокъ подъ сильную грозу, вымокъ до костей и, наконецъ, послѣ долгаго странствованія, очутился на краю высокаго холма, съ котораго открывался видъ на какой-то большой лагерь—русскій или турецкій—это было неразрѣшимой загадкой для близорукаго глаза Алешина.—„А вдругъ турецкій?!“ задавалъ онъ себѣ вопросъ, испуганно вглядываясь въ надвигавшуюся темноту, и ему тотчасъ же представлялось, какъ онъ, не нюхавши, такъ сказать, пороху, прямо падаетъ въ плѣнъ, и какъ турки, подъ предлогомъ просушки, начнутъ сдирать съ него кожу... „Бррр... какъ это должно быть непріятно, когда сдираютъ кожу!“ И онъ продолжалъ вздрагивать, лошадь продолжала фыркать, дождь продолжалъ моросить по прежнему...

Неизвѣстно, чѣмъ бы разрѣшилось томительное положеніе бѣднаго прапорщика, если бы вдругъ внизу холма не послышался человѣческій голосъ. Въ твердой увѣренности, что онъ переживаетъ послѣднія минуты своей жизни, Алешинъ похолодѣлъ и насторожилъ уши... „Дьяволь, куда лѣзешь“, явственно донеслось до уха Алешина, и этотъ внезапный и неизвѣстный голосъ показался ему голо-

сомъ самого провидѣнія. „Русскій лагерь!“ воскликнулъ онъ радостно и началъ быстро спускаться. Прямо передъ нимъ, на дорогѣ, пролегавшей по подошвѣ холма и извивавшейся далѣе къ лагерю, стоялъ коротенькій, тощій солдатикъ, въ заплатанномъ мундирѣ и рваныхъ сапогахъ, а возлѣ него, смиренно, поджавъ хвостъ, сидѣлъ „дьяволъ“ — небольшой чрезвычайно лохматый и паршивый песъ и укоризненно смотрѣлъ на своего ругателя, приводившаго между тѣмъ въ порядокъ нѣкоторыя необходимости мужского туалета.

— Послушай, братецъ, какъ отсюда проѣхать въ —ую артиллерійскую бригаду? — обратился къ нему радостно Алешинъ.

„Братецъ“ поправилъ съѣхавшее на затылокъ жалкое подобіе кепи, медленно, какъ бы нехотя, приложилъ руку къ козырьку и тяжело вздохнулъ:

— Мы, ваше благородіе, пѣхотные! — протянулъ онъ жалобно и покосился на своего лохматого сотоварища; тотъ сочувственно завилялъ хвостомъ, и его взглядъ, внушительный и подтверждающій, какъ-бы говорилъ: „да, это правда — мы точно пѣхотные!“

— Значить, все-таки я въ русскомъ лагерѣ? — хотѣлъ еще разъ увѣриться Алешинъ, но тотчасъ ощутилъ всю неумѣстность подобнаго вопроса и рѣшилъ просто освѣдомиться у солдатика, какого онъ полка; но въ эту самую минуту солдатикъ, обмѣнявшись дружеской гримасой съ своимъ спутникомъ, неожиданно и быстро повернулся на лѣвомъ

каблуки и поспѣшно запагаль по направленію къ лагерю. Алешинъ посмотрѣлъ тупо, какъ понемногу исчезали въ сырой мглѣ оба „пѣхотные“, и на время остановился въ совершеннѣйшемъ недоумѣніи, что ему теперь предпринять, хотя было ясно, что предпринять оставалось одно: ѣхать въ лагерь и отыскивать бригаду. Послѣ нѣсколькихъ минутъ совершенно безполезнаго раздумья, Алешинъ энергично пришпорилъ Красавчика (такъ звали чернобураго иноходца), и не прошло четверти часа, какъ онъ уже былъ въ русскомъ лагерѣ.

Но отыскать бригаду оказалось дѣломъ далеко не легкимъ: по случаю скверной погоды, всѣ обитатели лагеря попрятались въ свои плотно закупоренныя палатки и не подавали ни малѣйшаго признака жизни. Два пьяныхъ солдата, которыхъ онъ встрѣтилъ при вѣздѣ въ лагерь, и одинъ восточный человѣкъ, на котораго онъ натолкнулся, проѣзжая между палатками, нисколько не поправили дѣла: пьяные солдаты начали между собою длинное препирательство о значеніи слова „бригада“, а восточный человѣкъ, на вопросъ Алешина о мѣстѣ расположенія бригады, что-то залаялъ по собачьи и тутъ же юркнулъ въ низенькую землянку. Положеніе становилось критическимъ: Алешинъ съ утра ничего не ѣлъ, страшно усталъ и, въ довершеніе всего, ему предстояло остаться безъ ночлега; дождикъ, правда, прошелъ, но наступила такая темь, что не только-что близорукому, но и зрячему трудно было бы отличить что нибудь въ двухъ ша-

тахъ. Доведенный до послѣдней степени отчаянья, Алешинъ уже собирался расплакаться, но Провидѣніе, равно благосклонное ко всѣмъ юнымъ прапорщикамъ, сжалилось надъ нимъ снова и выручило его самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ то самое мгновеніе, какъ онъ, опустивъ безнадежно поводья, готовился столь позорнымъ образомъ обезчестить свой мундиръ, передъ нимъ вдругъ вынырнула изъ темноты какая-то непонятная самодвижущаяся масса: состояла эта масса изъ довольно обьемистой круглой фигуры, которая что-то бормотала и стегала нагайкой другую почти такую же круглую фигуру, на которой сидѣла и которая упиралась и сердито фыркала. При ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалось, что это былъ плохой наѣздникъ на упрямой лошади. Не успѣвъ Алешинъ осадить своего Красавчика, какъ стегавшая и бормотавшая фигура крякнула и неловкимъ движеніемъ опрокинулась на него всею тяжестью своего объема.

— Виновать-съ.. съ кѣмъ имѣю честь?—заговорила фигура сиплымъ, отрывистымъ голосомъ. Не успѣвшій еще придти въ себя Алешинъ, поспѣшилъ назвать свой чинъ и фамилію.

— Майоръ Бубновъ,—снова вылетѣлъ изъ фигуры отрывистый звукъ. — Эдакая непріятность,—продолжала фигура, — былъ, знаете, у полковника съ рапортомъ и ѣхалъ домой, да вотъ-съ коняка моя заупрямилась, не идетъ; еще того, знаете, молодая; да и я, признаться, не кавалеристъ, недавно команду батальономъ, такъ не привыкъ-съ, знаете.

Сдѣлайте милость, — обратился онъ вдругъ нерѣшительно къ Алешину, — доѣдьте вмѣстѣ до моей палатки: вмѣстѣ съ вашей моя коняка, можетъ, и поидеть.

— Съ удовольствіемъ, — могъ только пролепетать несказанно обрадованный этой встрѣчей Алешинъ.

— Ну-съ, ступайте! — обратился ласково маіоръ къ своей непокорной конякѣ, и коняка дѣйствительно пошла.

— Смѣю спросить, вы какого полка? — полюбопытствовалъ маіоръ, когда Алешинъ, долго не рѣшавшійся первый нарушить молчанія, не выдержалъ и осторожно каплянулъ.

— Я артиллеристъ, — робко доложилъ Алешинъ и, не доѣзжая до палатки, подъ наплывомъ отраднaго чувства, возбужденнаго этой неожиданной встрѣчей, незамѣтно выболталъ маіору всю свою незатѣйливую біографію. Родители его умерли рано, такъ что онъ ихъ совсѣмъ не помнитъ. Воспитывался онъ въ Петербургской военной гимназіи и по субботамъ ходилъ въ отпускъ къ своей бабушкѣ, жившей на Васильевскомъ острову. Въ военномъ училищѣ онъ шелъ очень хорошо и могъ бы выйти въ гвардію, чего очень желала и добивалась его бабушка съ Васильевского острова, но ему хотѣлось быть на войнѣ, и онъ по собственной охотѣ вышелъ въ кавказскую артиллерію. Затѣмъ Алешинъ перешелъ въ плачевный тонъ и разсказалъ маіору, какъ ему отказали въ конвоѣ, какъ

онъ заблудился, сильно продрогъ, страшно усталъ, будучи съ самаго утра въ дорогѣ, а главное—ужасно проголодался. При этомъ послѣднемъ, невольно вырвавшемся признаніи, онъ умолкъ, совершенно сконфуженный.

Маіоръ, все время исповѣди довѣрчиваго прапорщика, философски молчалъ, изрѣдка понукая лошадь словами: „Ну, скотинка, иди, иди!“ и, по окончаніи только, спросилъ: „отчего онъ вышелъ на Кавказъ, а не въ Дунайскій отрядъ?“. „Кавказъ—вѣдь это ужъ извѣстно!“... пробормоталъ Алешинъ, которому теперь только пришло въ голову—отчего, въ самомъ дѣлѣ, онъ вышелъ именно на Кавказъ.—Маіоръ, какъ показалось Алешину, что-то проворчалъ себѣ подъ носъ и затѣмъ, вздохнувъ раза два, сообщилъ ему, что N-ая артиллерійская бригада стоитъ по ту сторону оврага, гдѣ расположены главныя силы, что въ настоящее время онъ находится въ авангардномъ лагерѣ, и что онъ самъ, маіоръ Бубновъ, командуетъ третьимъ батальономъ *** полка и предлагаетъ Алешину переночевать у себя и отужинать, конечно, чѣмъ Богъ послалъ. Слѣдуя своимъ настоящимъ чувствамъ, Алешинъ долженъ бы былъ кинуться на шею маіора, но онъ отъ избытка чувствъ только повторялъ безпрестанно „благодарю-съ“, на что маіоръ тотчасъ добавлялъ „не за что-съ“, и, такимъ образомъ, обмѣниваясь взаимными любезностями, они совершенно незамѣтно очутились передъ палаткой маіора.

Не успѣли они остановить своихъ лошадей, какъ,

откуда ни возмись, выросъ передъ ними и остановился, какъ вкопанный, у входа палатки мужчины непомѣрной величины и устрашающей внѣшности, оказавшійся деньщикомъ маіора.

— Милый человѣкъ, — обратился къ нему маіоръ Бубновъ, слѣзая съ своей своенравной коняки. — Прикажи ты, сдѣлай милость, поводить и накормить нашихъ лошадушекъ, да сооруди намъ *отрокидонъ съ закусономъ*. Милости просимъ! — прибавилъ онъ затѣмъ, обращаясь къ Алешину, не безъ нѣкоторой галантности, приглашая его войти въ палатку.

Алешинъ поспѣшилъ вставить неизмѣнное въ своемъ чинѣ „благодарю-съ“ и, раздвинувъ мокрыя полы, очутился въ освѣщенной огаркомъ сальной свѣчи, просторной палаткѣ маіора. Потому-ли, что онъ усталъ и пробылъ цѣлый день подъ дождемъ, но обитель маіора показалась ему просто роскошнымъ чертогомъ, даже черезъ-чуръ роскошнымъ для пѣхотнаго маіора.

— Батюшки мои, да какъ же васъ, однако, отдѣлало! — всплеснулъ руками маіоръ, когда они вошли въ палатку и онъ увидѣлъ мокрую и перепачканную фигуру Алешина. — „Извините-съ“, забормоталъ было Алешинъ. — „Богъ съ вами, что за извиненія!“ — „Милый человѣкъ, — обратился онъ къ вошедшему деньщику, снимите съ нихъ сапоги и все прочее и переодѣньте ихъ“. — „Слушаю-съ, ваше высокоблагородіе“, — заревѣлъ какъ труба на всю палатку „милый человѣкъ“ и съ свирѣпымъ усердіемъ принялся раздѣвать Алешина.

Тотъ, какъ ребенокъ, чувствующій себя виноватымъ и не въ силахъ сопротивляться, повиновался безпрекословно „милому человѣку“, разглядывая изъ-подлобья, пока его раздѣвали, палатку и ея хозяина. Палатка была убрана съ удивительною аккуратностью. Прямо, передъ входомъ, красовалась широкая, деревянная кровать маіора подъ пестрымъ турецкимъ одѣяломъ и мохнатымъ коврикомъ надъ постелью. Направо отъ входа стоялъ столъ, покрытый клеенкой и весь уставленный разными письменными и хозяйственными принадлежностями, въ родѣ счетъ, походной чернильницы, заржавленного кофейника, спиртовки и т. д. Налѣво пріютилась другая кровать попроче, подъ сѣрымъ байковымъ одѣяломъ, на которой и расположился Алешинъ. Передъ письменнo-хозяйственнымъ столомъ стояло складное кресло и табуретъ; въ углу, надъ постелью маіора, выглядывалъ порыжѣвшій образокъ какого-то угодника. Взглянувъ на разоблачавшагося у своей кровати маіора, Алешинъ не могъ не улыбнуться. Это былъ небольшой, толстенькій, на коротенькихъ ножкахъ чeлoвѣкъ, съ маленькими добродушными глазками, чрезвычайно низкимъ лбомъ и гладкими китайскими усиками подъ толстымъ и короткимъ носомъ; его рѣдкіе, прилизанные назадъ волосы увѣнчивали макушку продолговатой головы небольшимъ недоумѣвающимъ торчащимъ клокомъ, что, вмѣстѣ съ высоко-приподнятыми бровями, придавало всей его физіономіи не то вопросительное, не то полусердитое выраженіе. Повертывался онъ медленно, слегка раскачиваясь,

говорилъ съ разстановкой, часто вздыхая и обрывая слова.

— Такъ вамъ желательно было видѣть Кавказъ?—обратился онъ къ Алешину, когда деньщикъ вышелъ, чтобы достать сушившемуся прапорщику изъ вьюка чистое бѣлье. Охъ, молодость, молодость! И кой чортъ дернулъ васъ выйти сюда? Вы все, я знаю, насчетъ поэзіи: думаете „горныя вершины“, „Тамары“ и все такое? Вздоръ-съ, чепуха, милостивый государь—ничего этого здѣсь нѣтъ-съ!

— Да вѣдь его описываютъ довольно привлекательно!—осмѣлился возразить Алешинъ. Маіоръ вдругъ освирипѣлъ.

— Пишутъ! Помилуйте-съ, да кто же это пишетъ? Поэты? да-съ?—Эти господа поэты, я вамъ скажу, я вамъ скажу, чистые разбойники: толкуютъ—Кавказъ, Кавказъ; подумаешь, въ самомъ дѣлѣ невѣсть какой рай магометовъ...

„Я видѣлъ горныя хребты
Причудливые какъ мечты!“.

вдругъ выпалилъ онъ, съ пафосомъ извѣстные стихи Лермонтова:—Да вѣдь не въ мечтахъ жить-съ, а съ людьми; а люди здѣсь, я вамъ скажу, настоящіе дьяволы, климатъ такое пекло, что Боже упаси; а насчетъ прочаго, знаете, „моря житейскаго“—тутъ маіоръ, увидѣвъ входящаго деньщика, понизилъ голосъ:—„рожи, я вамъ скажу, образцовыя рожи!“

Когда Алешинъ переодѣлся въ принесенное бѣлье